

Р.Греку

Молдавский госуниверситет

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА В ПЕРЕХОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

Мақалада «құқықтық мемлекет» түсінігі және оның негізгі белгілері қарастырылады. Өтпелі кезең мемлекеттерінде көрініс тауып жатқан құқықтық мемлекетті құру сатылары көрсетілген.

This article is dedicated to the analysis of some aspects of realization of law in a transitory society. A row of definitions of a society governed by law are presented, which mark the dominance of law as one of its distinguishing characteristics.

Конституции многих стран постсоветского пространства провозглашают, что данные государства являются правовыми государствами. В научной литературе приводится множество определений правового государства, большинство которых исходит из того, что основными характеристиками правового государства являются верховенство права и обеспечение прав и свобод человека. Так, молдавские ученые полагают, что самое краткое определение правового государства сводится к тому, что таковым является государство, в котором господствует право, в котором все равны перед законом, в котором никто (ничто), даже государство, не является превыше закона [1]. Ведущий российской теоретик конституционного права М.В.Баглай полагает, что в качестве правового характеризуется государство, которое во всей своей деятельности подчиняется праву и главной своей целью считает обеспечение прав и свобод человека [2]. Известный румынский правовед Тудор Дрэгану понимает под правовым государством такое государство, которое, будучи организовано в соответствии с принципом разделения властей, в процессе применения которого правосудие приобретает реальную независимость, и которое, преследуя посредством своего законодательства цель обеспечения прав и свобод, свойственных человеческой природе, гарантирует строгое соблюдение своих регламентаций всеми органами в ансамбле и во всей своей деятельности [3]. Представляет интерес историческое определение, данное правовому государству ученым-конституционалистом Константином Стере, родившимся в Сорокском уезде Бессарабии в 1865 г. и преподававшим конституционное право в самом начале XX в. на юридическом факультете Ясского университета, ректором которого он был какое-то время. Ученый полагал, что вся разница между полицейским государством и государством правовым состоит в том, что в первом законы обязывают субъектов публичной власти нести ответственность не перед гражданами, а только перед «сувереном», перед государством, воплощенном в его высших органах, а во втором — любая юридическая норма, даже публичного права, порождает субъективное право гражданина и, следовательно, он должен иметь возможность реализовать это право при помощи правосудия [4].

Вместе с тем ученые отмечают, что принцип правового государства, закрепленный в наших конституциях, носит характер программный, перспективный и что его следует понимать не как достигнутое завоевание, а в качестве цели, которая должна определять организацию и функционирование всей государственной системы [5]. Этому мнению придерживается и молдавский ученый — доктор юридических наук, профессор Георге Аворник, полагаящий, что положения ч.3 ст.1 Конституции Республики Молдова от 29 июня 1994 г., закрепляющие, что Республика Молдова — демократическое правовое государство, в котором достоинство человека, его права и свободы, свободное развитие человеческой личности, справедливость и политический плюрализм являются высшими ценностями и гарантируются, свидетельствуют со всей очевидностью о цели государства на современном этапе [6].

Российские ученые попытались на примере современной Российской Федерации показать, как в ней преодолеваются негативные черты прошлого тоталитарного режима и одновременно ответить на вопрос, является ли она правовым государством в том смысле, что престала функционировать как полицейское (тоталитарное) государство. Исходя из совершенно правильной, на наш взгляд, предпосылки, что правовое государство несколько шире юридического понятия демократии, и оно включает в себя вообще все состояние общества, определенный порядок взаимоотношения его с государством, ученые пришли к обоснованному выводу, что в современной Российской Федерации происходит первый, начальный этап построения правовой государственности [7].

Думается, что данный вывод можно с полным основанием распространить и на другие государства молодой демократии постсоветского пространства, и представляется возможным обозначить этот первый этап построения правового государства, в частности, в Республике Молдова в качестве этапа консолидации конституционно-демократических основ государственности [8]. При этом подразделение на этапы единого процесса построения правового государства имеет, полагаем, некую, как теоретическую, так и практическую, ценность. Оно позволяет более четко конкретизировать некоторые научно-теоретические и практические задачи социального, экономического, политического, сугубо юридического характера, которые стоят перед обществом на первом этапе построения правовой государственности.

В рамках данной статьи остановимся на одной, но едва ли не самой важной из них. Речь идет о сложнейшей задаче претворения в жизнь принципа верховенства закона, без реального функционирования которого не может идти и речи о правовом государстве. Этот принцип вообще ставится во главу угла некоторыми учеными при определении правового государства. Так, один из ведущих российских правоведов С.М.Шахрай пишет: «В современной политико-правовой доктрине правовым государством признается демократическое государство, в котором обеспечивается верховенство закона, последовательно проводится принцип разделения властей, а также признаются и гарантируются права человека» [9; 316]. При этом ученый утверждает: «Верховенство закона — это очень важная, но все же внешняя, формальная сторона правового государства. Внутреннее, содержательное отличие правового государства — качество, сущность самого закона. Закон в правовом государстве призван соответствовать праву. Не сводя право к закону, можно по-разному понимать его содержание. По своей сущности право призвано отражать идеал справедливости. Справедливость — шире права» [9; 320].

Отметим, что Константин Стере оценивал в своей дипломной работе право в качестве самого важного творения политической организации государства. Будущий юрист полагал, что если первоначально юридические механизмы были дефектны и не всегда были в состоянии обеспечить «триумф справедливости», причина этого кроется в том, что само чувство справедливости не было тогда еще свойственно человеческой природе. Оно является результатом долгой эволюции, начало которой положили эти самые юридические механизмы, действовавшие вначале в брутальной форме. В своих рассуждениях лицензиат исходил из мнения известнейшего немецкого ученого Рудольфа фон Иеринга, который в своей работе «Цель в праве» полагал, что не чувство справедливости создало право, а право породило чувство справедливости [10; 332, 342].

Приведем некоторые идеи Константина Стере относительно происхождения и сущности права, которые представляются ценными и важными для понимания феномена права в современном обществе. Ученый полагал, что право — это форма социальной жизни, порожденная в результате столкновения между различными группами или социальными классами. Оно было порождено в постоянной борьбе между различными социальными группами и представляет собой некие моменты непостоянного равновесия, установившегося как итог различных интересов и антагонистических тенденций в обществе в период разложения первобытно-общинного строя [10; 332–333]. «Тогда были созданы правовые нормы, предназначенные для поддержания единства общественной жизни, для обеспечения порядка и равновесия между различными противоборствующими общественными силами, для обеспечения сотрудничества между ними, столь необходимого любой форме социальной кооперации. Но уважение к правовым нормам невозможно поддерживать без применения, в случае необходимости, прямого принуждения против противодействующих и центробежных элементов. Общество не могло более существовать без организации общественного принуждения. Это — миссия государства», — утверждает конституционалист [11]. На лекциях по конституционному праву преподаватель объяснял студентам роль государства в процессе создания правовых норм и обеспечения их соблюдения следующим образом: «Когда, наконец, рождается сила внешнего принуждения, монополизированная от имени всего общества, данная форма общества называется государством, и оно появляется не только в качестве защитника правопорядка посредством монополизированного им общественного принуждения, но является и источником этого правопорядка.

Государство вменяет нормы общего поведения, которые затем оно же защищает путем внешнего принуждения, общественного принуждения, то есть, применяя уголовные санкции к тем членам государства, которые этим нормам не подчиняются и не соблюдают их» [12; 10–12].

И преподаватель конституционного права Константина Стере, отличавшийся своими исключительно демократическими, реформаторскими воззрениями, задается перед студенческой аудиторией следующим вопросом: «Государство принимает определенные нормы поведения для всех своих чле-

нов, и оно же вменяет их исполнение. Но возможно ли, чтобы существовала норма поведения, предписываемая самому государству, и кто ее вменяет?» [12; 14]. И наконец, сакраментальный вопрос: «Тогда что, государство не имеет никаких ограничений? Никаких ограничений в области правопорядка и если все права порождены государством и поддерживаются государством, тогда мы — рабы государства?»

И если нет, если мы не рабы государства, если государство, его власть, авторитет подвержены ограничению, то каково оно и каково основание, природа этого ограничения?» [12; 27].

Ученый отмечает, что вопрос этот относится больше к области философии права и в зависимости от ответа на него ученый мир разделен на две большие группы. К первой группе относятся приверженцы договорной теории происхождения государства, полагающие, что государство было создано людьми по договору, в целях защиты своих естественных прав и пожертвовавшими при этом часть таковых для всеобщего блага. Но они сохранили за собой право расторжения договора в случае несоблюдения его государством, в том числе и смены государства путем вооруженного восстания. Сразу же скажем, что Константин Стере никогда не признавал постулатов данной теории, находя их неверными с исторической точки зрения и не соответствующими реальной действительности. Но преподаватель призывал студентов проявлять к ней должное уважение в силу того, что ее принципы глубоко проникли в современное позитивное право.

Сам же конституционалист придерживался иного мнения в вопросе об ограничении власти государства в области создания норм права и применения общественного принуждения в целях их соблюдения. В своем объяснении он исходил из природы правовой нормы, носящей, по его убеждению, как социальный, так и индивидуальный характер. С одной стороны, правовые нормы, объясняет конституционалист, являются по природе своей нормами социальными и другими они не могут быть, поскольку таковые существуют только в обществе и имеют своей целью обеспечение необходимых условий для существования и процветания общества. С другой же стороны, любая правовая норма носит индивидуальный характер, она отражается в индивидуальном сознании, относится к достоянию индивидуального сознания. «Отсюда, правовая норма, которая не будет учитывать правосознание народа, не будет исходить из необходимости своего отражения в сознании каждого члена общества, останется мертвой буквой, исписанной бумажкой и не более того», — полагает ученый [12; 40–41]. «... В конце концов, чтобы обладать жизненной силой, правовая норма должна проникнуть в сознание граждан», — убежден конституционалист [12; 130–131].

И Константин Стере возвращается к вопросу о возможности существования ограничений для государства в области правотворчества и исполнения правовых норм: «Если государство может создать любую правовую норму и требовать ее исполнения, то, сами понимаете, тогда индивид подчинен произволу государственной власти. И тогда каков смысл существования правового государства, с правовым режимом, чем отличается такое государство от государства с абсолютистским режимом?» [12; 35].

По мнению конституционалиста, ограничение власти государства не носит и не может носить юридический характер, поскольку это очевидно, что над государством не существует такой силы, которая могла бы предписать ему определенные нормы поведения и принудить соблюдать их. Но ученый был убежден, что для государства также существует санкция, и она гораздо жестче любых других — санкция истории. В условиях, когда все государства образуют единое сообщество, когда между всеми государствами существуют некие взаимоотношения, когда пали все барьеры или, как образно выражается Константин Стере, когда не существуют и не могут существовать китайские стены, государство, которое не будет соблюдать определенные нормы руководства, подвергнется историческим санкциям двоякого рода — фактическим и правовым.

Первая санкция — фактическая, называемая ученым еще и материальной, будет состоять в том, что подобное государство будет превзойдено в экономической борьбе, которая, по мнению ученого, является борьбой, хотя и мирной, но разрушительной. Вторая возможная санкция носит характер моральный, юридический, международно-правовой: «Государство, которое в своем внутригосударственном публичном праве не соблюдает определенных правовых норм, глубоко проникших в сознание цивилизованных государств, — такое государство не будет принято в ряды цивилизованных государств», — заключает конституционалист [12, 39]. По его убеждению, существуют нормы, которые нельзя нарушать безнаказанно [12; 40].

Производит впечатление вывод Константина Стере, связующий воедино два аспекта рассматриваемой проблемы: о корреляции между правом и юридическим сознанием народа и о возможных пределах власти государства. «... И власть государства имеет определенные пределы, потому что го-

сударство может создавать любые правовые нормы и, тем не менее, они не будут соблюдаться народом по причине того, что народ не может их понять, потому что эти нормы не могут проникнуть в сознание народа», — заявляет ученый [12; 42]. Преподаватель выражает в студенческой аудитории свое непреклонное убеждение, что «... в современных государствах, фактически, сознание народа создает правовые нормы, а не государство» [12; 44].

Напомним, что Константин Стере преподавал конституционное право и писал научные работы более ста лет назад, в самом начале двадцатого века, тем не менее, актуальность его идей совершенно очевидна. Они ведут нас к пониманию факта, что кардинальные изменения в области права, происходящие в переходном обществе и продиктованные специфическими условиями функционирования такого общества, могут быть эффективно имплементированы и становятся органической частью правовой системы только в той мере, в которой они являются точным выражением объективных и субъективных изменений, происходящих в самом обществе. Четкое соблюдение корреляции между правом и уровнем юридического сознания народа, а также идентификация того самого равновесия интересов различных социальных сил, действующих в переходном обществе, которое должно найти свое выражение в праве, являются, на наш взгляд, важнейшими условиями эффективности функционирования закона в таком обществе.

Общеизвестен тот факт, что в обществе переходного типа, в котором старые законы уже не действуют, а новые находятся в процессе имплементации, несоблюдение правовых предписаний является весьма распространенным феноменом. Ситуация усугубляется тем, что в отдельных обществах такого типа отсутствует с точки зрения исторической ретроспективы сам опыт сознательного соблюдения закона. Маргарет Тэтчер утверждает, что коммунистическое общество не имело законодательства в том понимании, в котором это принято на Западе. Хотя каждый шаг был регламентирован правилами и нормами, отсутствовало понятие справедливости, которое предполагает существование комплекса обязанностей индивида, применимого в равной мере ко всем без исключения [13]. Это не могло не сказаться на юридическом сознании граждан, живших в том обществе и привнесших в общество переходного периода остатки своих старых представлений, убеждений и стереотипов относительно места и роли права в обществе.

В обществе переходного периода юридическое сознание граждан представляет собой своеобразную смесь старого и нового. С одной стороны, опыт безоговорочного подчинения правовым нормам, независимо от степени отражения в них частных или общественных интересов, безусловно существовавший в предыдущем обществе, существенно эродирован. Кроме того, такой опыт частично бесполезен, поскольку в новом обществе требуется не слепое подчинение правовым нормам, а глубоко осознанная активная гражданская позиция по отношению к новым ценностям, включая правовое. С другой стороны, граждане переходного общества еще не научились воспринимать закон как выразитель частных и общественных интересов и механизм разрешения многочисленных и разноплановых в этом обществе конфликтных ситуаций. Социальный навык сознательного соблюдения закона еще не сформирован или недостаточно крепок. К тому же складывающаяся в переходный период в правовой системе по объективным и субъективным причинам ситуация не совсем способствует формированию должных навыков социального поведения. Сказываются в этом смысле и частые изменения законодательства, и не до конца продуманные нормы, и весьма ограниченные материально-технические и организационные возможности имплементации принимаемых законов и др.

Неоднозначно складывается и отношение граждан к государству, все еще олицетворяющему в сознании многих членов общества источник как правотворчества, так и силы внешнего принуждения к соблюдению закона. Часть граждан все еще испытывают по отношению к государству патерналистские чувства, уже ничем не обоснованные и подогреваемые идеей социального государства, но зачастую приводящие к большим разочарованиям. Другая часть, вырвавшись из тисков беспрекословного подчинения правилам и нормам бывшей системы, и еще не поняв, что демократический строй требует от граждан гораздо более высокой (по причине осознанности) степени дисциплинированности по отношению к закону, предается анархическим настроениям. Третья — разочарованная недостаточно быстрыми темпами утверждения новых демократических, в том числе правовых ценностей в переходном обществе, испытывает нигилистические настроения. И вряд ли будет ошибочным утверждение, что только самую малую часть общества составляют те граждане, которые пришли к осознанию факта, что при демократическом режиме взаимоотношения гражданина и государства строятся по принципу партнерства и что в качестве ведущего партнера в этом сотрудничестве, включительно в области правотворчества, выступает гражданин.

Между тем право переходного общества является по своему определению правом динамичным, меняющимся. Проблема обеспечения должного равновесия между статикой и динамикой этого права весьма актуальна, поскольку оно просто «обречено» на постоянные изменения ввиду активно развивающихся условий социально-экономической и политической жизни общества. И если регулятивная функция правовой системы включает в себя не только регламентацию общественных отношений, но и использование позитивных стимулов, способствующих повышению политико-правовой активности личности, как утверждают ученые [9; 252], то для права переходного общества это утверждение справедливо вдвойне.

Итак, в переходном обществе мы сталкиваемся, с одной стороны, с объективной необходимостью динамичного развития права, которое только тогда будет эффективно функционировать, когда будет глубоко воспринято на уровне юридического сознания членов общества. Кроме того, право переходного общества, как нам представляется, должно делать особый акцент на использовании позитивных стимулов, способствующих созданию новой правовой действительности, развитию правовой культуры и углублению юридического сознания граждан. А с другой стороны, мы имеем дело с определенным уровнем этого самого юридического сознания граждан, которые не всегда готовы к восприятию новых правовых стандартов.

На первый взгляд, создается ситуация замкнутого круга. На самом деле выход из данной ситуации известен еще со времен Декларации прав человека и гражданина 1789 г., провозгласившей в ст. 6, что право есть выражение всеобщей воли. Именно такое восприятие права необходимо культивировать в обществе переходного типа, потому что оно является важнейшим условием понимания не только сути права, но и условий его функциональности и эффективности. Только закон, который является выразителем всеобщей воли, способен стать гарантом сохранения равновесия разнонаправленных пока частных и общественных интересов различных субъектов и социальных сил, выступающих в качестве фигурантов на социально-политической, экономической и правовой аренах в обществе переходного типа. Только такой закон в состоянии обеспечить развитие не только правовой, но и в целом социально-политической и экономической систем общества в демократическом направлении. При этом, как справедливо отмечают ученые, гарантиями, объединяющими и «большинство» и «меньшинство» в ходе принятия решений посредством демократического процесса, является признание и теми и другими таких правовых и нравственных ценностей демократии, как свобода и права личности, равенство индивидов, преобладание индивидуалистического сознания, исходящего из ценностного приоритета личности по отношению к коллективу и государству [14].

Список литературы

1. *Борис Негру, Алина Негру.* Общая теория права и государства: (курс для университетов). — Кишинэу, 2006. — С. 510.
2. *Баглай В.М.* Конституционное право Российской Федерации. Учебник для вузов. — М., 1998. — С. 115.
3. *Тудор Дрэгану.* Введение в теорию и практику правового государства. — Клуж, 1992. — С. 12.
4. *Константин Стере.* Антипроект Конституции, разработанный исследовательским отделом Крестьянской партии, с изложением мотивов К.Стере. — Бухарест, 1922. — С. 27.
5. *Общая теория права: Учебник для юридических вузов.* — М., 1995. — С. 340.
6. *Георге Аворник.* Общая теория права: Учебник. — Кишинэу, 2004. — С. 85, 86.
7. *Боер В.М., Городинец Ф.М. и др.* Правовое государство: реальность, мечты, будущее. — М., 1999. — С. 81, 91, 93.
8. *Раиса Греку.* Стере — юрист. — Кишинэу, 2008. — С. 153–155.
9. *Шахрай С.М.* Глобализация. Государство. Право: теоретико-методологические проблемы (вопросы теории и практики), — М., 2003.
10. *Константин Стере.* Эволюция индивидуальности и понятие субъекта в праве. Социологическое и юридическое исследования. (Дипломная работа). — Яссы, 1897 // Стере Константин. Произведения в пяти томах, Кн. V. — Кишинэу, 1991.
11. *Константин Стере.* Введение в изучение конституционного права. Ч. I. — Яссы, 1903. — С. 14–15.
12. *Константин Стере.* Курс конституционного права. (Литографированный). — Библиотека Академии наук Румынии, 1910.
13. *Маргарет Тэтчер.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. — М., 2005. — С. 103, 284.
14. *Нуденко Л.А.* Теория демократии. — М., 2001. — С. 42.